Карлайл редко оставался отдельно от Елены после её травмы. Поскольку она уже давно была прикована к постели, сегодня он отнёс её в частный сад подышать свежим воздухом.

— Кэ-эрил, опусти меня. Кто-нибудь может увидеть.

Её щёки пылали, когда она оглядывалась по сторонам, но Карлайл не обращал внимания на её протесты.

— Ну и что, если они увидят?

— Я не ребёнок, и мне будет неловко, если ты будешь носить меня на руках.

— Моя жена слишком застенчива. Никто не будет винить мужа и жену, выходящих вместе.

Слуги ничего им не скажут, но Елена была уверена, что они будут сплетничать за их спиной. В конце концов, те, кто служил в Императорском дворце, были людьми и не могли удержаться от небольшой болтовни о личной жизни своих хозяев.

— Ещё...

Карлайл ответил на продолжающееся сомнение Елены.

— Не волнуйся. Если кто-нибудь скажет тебе что-нибудь обидное, я сурово накажу этого человека.

Похоже, он не шутил, и она неодобрительно нахмурилась.

— Ты не сможешь завоевать лояльность своих подчинённых, если будешь наказывать их слишком сурово.

— Сердца людей порочны, и мы не знаем, действительно ли они верны нам. Послушание предшествует верности.

Карлайл не ошибался; объективно говоря, это было стандартное убеждение по определённой причине. Как наследный Принц, он не мог позволить себе роскошь легко доверять людям.

Однако... Елена беспокоилась о его вспыльчивом характере. Она хотела показать ему, что кровавые завоевания прошлых Императоров были не единственным путем для него, и политика могла быть полезна его народу. Это было маленькое желание Елены.

— Ты прав, но всегда помни о своей доброте. Так больше людей будет поддерживать нас, если

мы попадём в беду.

Карлайл усмехнулся её словам.

— Ты беспокоишься обо мне?

— Конечно. Ты занимаешь большую часть моих забот.

— Мне нравится, что ты беспокоишься обо мне.

В то же время он остановился у стола в центре сада. Он сел на стул и с большой силой усадил Елену так, чтобы она сидела у него на коленях.

— О!

Елена удивлённо вскрикнула, и он посмотрел на неё, наслаждаясь её фигурой.

— На самом деле... я когда-то думал, что если ты не будешь любить меня, то я предпочту, чтобы меня ненавидели.

— Неужели?

— Я хотел, чтобы твой разум был полон мной, независимо от того, какие эмоции ты испытываешь.

Чувства Карлайла отличались от чувств обычных людей. Елена не могла определить это одним словом, но он определённо не выражал свою привязанность так, как другие. Она даже открыла для себя кое-что новое.

"Когда Кэрил совсем не ведёт себя мило, я думаю, что он ещё более милый".

Другими словами, вероятно, только Елена видела его таким. С объективной точки зрения действия Карлайла не были особенно привлекательными, но она не возражала против его жадности. Она была счастлива, что эти пронзительные голубые глаза смотрели только на неё.

"Может быть, я тоже странная..."

Елена счастливо улыбнулась, погрузившись в мысли о Карлайле.

Чувствуя себя несколько измученной после долгого пребывания на свежем воздухе, она

прислонилась к его широкому плечу и лениво проговорила:

— Это сработало. Теперь я провожу большую часть дня, думая о тебе.

Карлайл уставилась на золотые волосы Елены, блестящие на солнце. Несмотря на болезненную бледность, её глаза блестели, и он осторожно погладил волосы Елены.

— И я безумно люблю тебя. Оставайся со мной навсегда.

Елена почувствовала слабую нотку отчаяния в словах Карлайла. Он казался больным от беспокойства с тех пор, как в неё попала стрела. Она знала, что если бы была на его месте, то точно так же испугалась бы, если бы Карлайл был близок к смерти.

— Хорошо. Я пробуду с тобой очень долго.

Несмотря на уверенность в ответе Елены, Карлайл только грустно улыбнулся. Не было никакой гарантии, что Елена никогда не пострадает, не тогда, когда дорога впереди них была так опасна.

— Если я не умру, то, скорее всего, стану Императором. Но тебе решать, каким Императором я буду.

— ?

— Ты лучше других знаешь, какой я эгоистичный и агрессивный. Меня едва ли можно назвать святым. Так что ты нужна мне рядом...

Елена снова подняла голову, чтобы посмотреть на лицо Карлайла. Никто никогда раньше не говорил ей, что она им так нужна. Теперь, когда она думала об этом, с ним всегда было именно так.

В груди у неё зародилось какое-то странное чувство. Она была так счастлива.

"Это очень мило".

Елена улыбнулась и обхватила лицо Карлайла своими тонкими руками.

"Человек, который не может жить без меня..."

Хотя Елена сама этого не понимала, её красота могла очаровать любого мужчину в мире. Карлайл на мгновение сжал её руку, как будто не мог сдержаться, но вскоре его хватка

ослабла. Он нахмурился, глядя на неё.

— Я чувствую, что сломаю тебя, если буду держать слишком крепко.

Елена расхохоталась над его словами. Правда, она немного похудела, но не настолько, чтобы сломаться от его руки.

Однако она не испытывала ненависти к его словам. Её грудь согрелась при мысли о его нежном обращении с ней.

— Я не сломаюсь, так что держись за меня крепче.

— Не провоцируй меня, жена.

Карлайл пристально посмотрел на бинты на спине Елены и продолжил тихим голосом:

— Я уже еле сдерживаюсь.

Елена поняла, что он имел в виду, и слабо улыбнулась.

Там, в пышном саду дворца кронпринца, они нежились в лучах послеполуденного солнца. Мало что изменилось, но Карлайл почувствовал, как в нём просачивается тепло, словно пришедшее из другого мира. Он тихо обнял Елену и заговорил нежным голосом.

— Ты что-то забыла?

— Забыла?

Елена мысленно вернулась к недавним событиям, пытаясь понять, о чём он говорит, но ничего не приходило в голову. С тех пор как её ранили, она просто была прикована к постели.

— Даже не знаю.

Услышав ответ Елены, Карлайл спокойно достал из кармана маленькую коробочку. Он открыл её и показал простое кольцо, усыпанное единственным красным рубином.

— А!

Это было кольцо, которое Елена приготовилась подарить Карлайлу. Она подняла коробку с удивлённым видом.

— Ты забыла про мой подарок?

— Но как ты?—

— Я нашёл его в твоём платье. Я с первого взгляда понял, что оно моё.

Елена вспыхнула. Она была готова дать ему это сейчас, но была слишком смущена, чтобы произнести эти слова.

— Почему ты так уверен, что оно твоё?

— Это мужское кольцо.

— Да.

— Значит, оно моё, конечно.

Елена улыбнулась его неизменному отношению.

Они уже говорили об этом раньше, когда она всё ещё не понимала ход его мыслей. Она спросила его, что он будет делать, если она изменит ему, и он ответил без колебаний.

— Я бы убил их всех. Все мужчины, которые вступали с тобой в контакт.

— А если это не один или два?

— Я же сказал, что убью их всех. И если ты не остановишься, я убью всех мужчин на континенте.

Хотя его страсть была сладкой, слова были довольно ужасны.

— Если бы я был единственным мужчиной на свете, то, может быть, ты бы тогда посмотрела на меня.

Елена ласково посмотрела на Карлайла и снова заговорила:

— Если это кольцо для другого человека, ты убьёшь его?

— Да. Он умрёт мучительной смертью.

На мгновение она подумала: "Что же мне делать с этим человеком?" Его слова звучали безумно, но её притягивало выражение его чрезвычайной привязанности.

Брови Карлайла поднялись, когда Елена не ответила, и он заговорил более тихим, более любопытным голосом.

— Это ведь не чужое кольцо, правда?

Елена больше не могла сдерживаться и обняла его, но потом её спину внезапно пронзила боль.

— А!

Карлайл с беспокойством посмотрел на Елену.

— С тобой всё в порядке? Тебе следует быть осторожнее.

— Тогда перестань делать вещи, которые являются настолько незначительными.

Карлайл уставился на неё с непонимающим выражением лица.

— Если не ты, то кому ещё я могу подарить это кольцо? Конечно, я купила его для тебя. Я хотела сделать тебе невероятное признание в тот вечер.

— Об этом можешь не беспокоиться. Всё, что ты говоришь, делает меня счастливым.

— Со мной то же самое.

Елена достала кольцо из коробки, затем осторожно надела его на безымянный палец левой руки Карлайла.

Карлайл уставился на драгоценный камень на своей руке, и вскоре его лицо расплылось в улыбке. Уголки рта Елены тоже не могли не приподняться от его довольной реакции, и она наклонилась, чтобы поцеловать губы Карлайла.

Они разошлись и снова сошлись вместе, их возбуждение росло как огонь, пока они не почувствовали блаженное головокружение от счастья.